

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Редактор серии *Ю. Милоградова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Александрова, Наталья Николаевна.

А46 Волшебные стрелы Робин Гуда ; Последняя драма Шекспира : романы / Наталья Александрова. — Москва : Эксмо, 2020. — 512 с.

ISBN 978-5-04-107898-0

Волшебные стрелы Робин Гуда

Все не то, чем кажется, даже в книгах, любимых с детства, — таких, например, как баллады о Робин Гуде. Лариса и думать не могла, что сама окажется героиней истории о благородном разбойнике, — и это в наши времена, когда разбойников стало видимо-невидимо, но о благородстве все забыли!

Последняя драма Шекспира

Молодому Уиллу Шекспиру сделала невероятный подарок старая ведьма. Волшебная колода карт не только раскрывала будущее, но и помогала осуществить заветные желания... Лиза всегда считала, что в их театре ничего случиться не может. Но во время спектакля по пьесе Шекспира «Отелло» произошло несчастье. Актриса, игравшая роль Дездемоны, оказалась мертва по-настоящему, а Анна Коготкова, которая должна была исполнять эту роль, бесследно исчезла...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-107898-0

© Александрова Н. Н., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

**ВОЛШЕБНЫЕ СТРЕЛЫ
РОБИН ГУДА**

Лариса выскочила из маршрутки, перебежала дорогу, вяло отмахнулась от негодующего гудка в спину, свернула в нужную подворотню и налетела на вывеску-раскладушку. Вывеска утверждала, что в этой самой подворотне находится парикмахерская. Очень дешевая, судя по прейскуранту, который значился здесь же.

Еще бы не дешевая, усмехнулась она про себя, если стригут в бывшей дворницкой, там небось и окон нет. И немедленно одернула себя: не время для сарказма, сама она в положении еще худшем. В этой дворницкой люди работают, а она в такой теперь будет жить.

Привычно кольнуло сердце — не зря ли согласилась, как жалко мамину квартиру, там все свое, родное, знакомое. Но Лариса тут же взяла себя в руки. Дело сделано, назад не воротишь, все документы оформлены, теперь она — хозяйка крошечной квартиры на первом этаже большого старого дома. Бывшей дворницкой во втором по счету дворе. Что ж, может, она и неправильно поступила, и Машка ее ругала, но зато теперь у нее будет спокойная жизнь. А то уж поймала себя на мысли, что повеситься хочется. Причем всерьез.

Лариса помотала головой, чтобы отогнать неприятные мысли. Не время сейчас предаваться таким

8 мыслям, дел полно, нужно хоть определить, что в первую очередь сделать в квартире.

Жильцы уже съехали, Нина Павловна обещала сделать это до двенадцати, а сейчас уже... Лариса взглянула на часы — четвертый час. На работе отгул взяла да утром прокопалась дома, пока вещи собирала. Всего и вещей-то у нее — чемодан да сумка небольшая.

Такая уж у нее была жизнь, что ничего не нажила. А мамино ей ничего не отдадут, даже мелочи, чашки битой и то пожалели. Уж как Антонина орала...

Лариса перехватила чемодан удобнее и вошла во двор. Двор как двор, мог бы быть и почище, но ничего. Слева фирма какая-то располагается, так у них под окнами даже цветочки посажены, в другом углу — ржавые контейнеры для мусора, две лавочки, которые давно пора покрасить, да, видно, некому.

Она пересекла двор и вошла в следующую подворотню. Вот и ее квартира. Тоже бывшая дворницкая, только никто ее в нежилой фонд не перевел, отцу досталась она года полтора назад по наследству от какой-то умершей двоюродной тетки. Лариса ее и в глаза-то никогда не видела, отец с ней отношений никаких не поддерживал.

А квартирка вот осталась.

Антонина тогда только шипела — на тебе, боже, что нам негоже, потому что у тетки еще дача, оказывается, была на Карельском перешейке. Дом старый, но участок большой. Но дачу тетка другим дальним родственникам отписала.

Лариса тогда не вмешивалась — ей-то какое дело, тетка не ее, отец тоже в споры не вступал. Антонина сама в квартире кое-как прибралась и сдала ее приличным, как она говорила, людям. Муж с женой приехали откуда-то из глубинки, она музыку преподает в музучилище, у него тоже вроде профессия какая-то интеллигентная.

И видно, мысль насчет Ларисы засела у Антонины в голове. Еще бы, падчерица как бельмо у нее в глазу. 9

Квартира у них хорошая, просторная, три комнаты, кухня пятнадцать метров — хоть танцуй, говорила в свое время мама. И обустроила она квартиру прекрасно. Недолго только там прожила, тяжелая болезнь ее свалила. Мама мужественным человеком была, бороться пыталась. Да только все без толку.

Когда умерла мама, Лариса уж институт оканчивала, мама еще сказала ей, что оставляет ее без страха, что она рада, что успела дочку вырастить, дать ей образование, и теперь Лариса позаботится об отце. Потому что мужчине трудно быть одному, ему поддержка нужна во всем, не только в быту.

Да, недолго папочка продержался, меньше года. Лариса тогда отдыхать уехала с подружкой, а как вернулась — тут-то он их с Антониной и познакомил.

Снова Лариса помотала головой, чтобы отогнать плохие мысли. Что уж теперь это все пережевывать, дело прошлое. У нее теперь будет новая, самостоятельная жизнь.

Она бросила чемодан и открыла сумку, чтобы найти ключ от двери. Дверь была старая, железная, краска вся давно облупилась, да еще нацарапано было на самом виду неприличное слово. Это уже местная шпана постаралась.

Ключ куда-то подевался, Лариса полезла в глубь сумки, задела случайно ручку чемодана, он опрокинулся, она потянулась, чтобы его удержать, и налетела на дверь. Дверь немедленно открылась, она оказалась не заперта. А она-то ключ искала...

— Нина Павловна! — крикнула Лариса, втаскивая чемодан через порог. — Вы дома? Это я, Лариса...

Последнее слово застряло у нее в горле.

Квартира была не та. То есть была она здесь пару раз, сначала с Антониной, потом одна забегала. Квар-

10 тирка, конечно, не подарок — первый этаж, единственное окно выходит во двор, так что света очень мало, это Лариса сразу увидела.

А в остальном все было не так и плохо. Комната очень большая, самодельной стеночкой отделена кухонька и закуток с душем и туалетом. Даже прихожая крошечная имелась. В кухне — линолеум хоть и потертый, но не дырявый, в комнате — узорчатое ковровое покрытие. Мебели мало — диван, телевизор, столик небольшой. Это все, разумеется, принадлежало жильцам. То есть съемщикам.

Нина Павловна, как представилась жиличка, с виду женщина была вполне приятная, вежливая, улыбка. Может быть, даже слишком. Немножко портил ее золотой зуб, торчавший вперед, казалось, что, кроме этого клыка, у нее и зубов-то во рту нет. Но Лариса старалась на зуб не смотреть — в конце концов, что ей за дело, она эту женщину в первый и последний раз видит.

Были еще в комнате шкаф и двуспальная кровать, отделенная занавеской в крупных алых маках.

— Это мы все заберем, — сказала Нина Павловна и властно повела рукой вокруг.

— Конечно-конечно, — ответила Лариса. Ей чужое ни к чему.

Выйдя на улицу, она вздохнула и оглянулась на единственное окно дворницкой, забранное заржавленной решеткой. Нина Павловна приветливо махнула ей рукой. И Лариса подумала, что жильцы и правда приличные люди. Квартирка, конечно, не ах, но она ведь и раньше знала, что это бывшая дворницкая. Зато она никогда больше не увидит распахнутый в крике рот Антонины, не услышит ее визгливый, истеричный голос, не заметит нависшие брови отца.

Отец и раньше был молчалив, а теперь и вовсе замолчал, только смотрел на нее хмуро из-под бровей. Жалобы ее на Витьку пресек сразу — не вмешивай

меня в ваши бабские разборки, могла бы ради 11
меня и уступить в кои-то веки.

Витька — это отдельный кошмар ее жизни. Как только Лариса подумала, что переедет сюда и никогда больше, только представить — никогда! — не увидит этих злобных маленьких глазок и жидких волосенок, не услышит шипенья и хихиканья под дверью ее комнаты, не будет опасаться каких-то мелких гадостей вроде чернил, налитых в ящик стола, или обувной щетки, подложенной под подушку (откуда Витька набралась только этой коммунальной науки, не иначе — из старых советских фильмов), так сразу же побежала к нотариусу и подписала документы на квартиру недрогнувшей рукой.

Витька — это Виктория, дочь Антонины от первого брака. Антонину бы еще Лариса скрепя сердце стерпела, но вот ее доченьку...

Короче, дело с квартирой было сделано. И они договорились с Ниной Павловной, что жильцы съедут сегодня, в двенадцать.

Они и съехали. И теперь Лариса с изумлением, переходящим в ужас, осматривалась в прихожей.

Квартира была не та. Где старинная кованая вешалка из прихожей и полочка для ключей? Эти вещи были выдраны с мясом, и обои в тех местах висели клочьями.

Совершенно машинально Лариса оглянулась, чтобы закрыть дверь, и увидела, что в железной двери нет замка. Оттого она и не была заперта. Замок был тоже вырезан, небось специальным инструментом орудовали. Как он называется? Кажется, болгарка.

Лариса прислонила к двери чемодан и на негнущихся ногах прошла в комнату. Хоть в глубине души она и была готова к неприятностям, действительность превзошла самые худшие ее ожидания.

Комнаты не было. Вместо нее были руины, сарай, хлев, только что не пепелище. В комнате стоял

12 стойкий запах пыли и еще чего-то очень неприятного. В гулкой пустоте слышно было ее, Ларисино, дыхание. Обои, которые ранее удачно загораживала мебель, теперь оказались старыми, рваными и выцветшими. Карниз исчез вместе с занавеской. И самое главное — в комнате не было пола. То есть то самое, вполне себе симпатичное ковровое покрытие, которое лежало на полу, было выдрано вместе с плинтусами, а вместо пола теперь оказались доски, которые даже на несведущий Ларисин взгляд выглядели совершенно гнилыми. Да на них ступить страшно!

Лариса почувствовала, что пол уходит у нее из-под ног, и ухватилась за стену. Не хватало еще шлепнуться в обморок в эту грязь! Никто ведь не придет, хоть помри в этом гадюшнике.

Перед глазами плясали красные мухи, и она, сжав зубы, аккуратно прошла по самой прочной на вид доске на кухню.

Лучше бы она этого не делала, поскольку кухни тоже не было. Ни столика, ни шкафчика, ни холодильника (ясное дело!), ни даже газовой плиты! Раковина, правда, была, но зато не было крана, так что воды не набрать.

Ларисе ощутимо стало плохо. Все тело покрыла испарина, и сердце заколотилось сильно-сильно. Да еще и в ушах забухал молот, как будто сваи забивают.

Это уже серьезно, знала она такое за своим организмом — от стресса температура повышается и давление. Нужно срочно умыться холодной водой.

Шатаясь, она побрела в закуток, где был душ. Хорошо, что идти недалеко. Она открыла узенькую дверцу и остолбенела. В закутке не было ничего. Ни душа, ни унитаза. Старый, облупившийся поддон смотрел на Ларису нагло — на вот тебе, выкуси! Из голой фановой трубы несло канализацией, так что

ее в чувство, как приводит в чувство резкий запах нашатырного спирта. Ларисе больше не хотелось упасть в обморок, ей хотелось немедленно кого-нибудь убить. Она выскочила в комнату, дрожащими руками тыкая в кнопки телефона.

— Нина Павловна! — закричала она, услышав ответ. — Да что же это такое?

— Что конкретно вы имеете в виду? — холодно спросили ее. — Чем вы недовольны?

— То есть как это? — От волнения голос у Ларисы сорвался. — Что вы сделали с квартирой? Это же форменное безобразие! Это вандализм! Вы оставили голые стены! Да и стены...

— Я же предупреждала вас, что все заберу!

— Да, но я думала, что...

— И вы согласились!

— Да, но я думала, что только мебель...

— При чем здесь мебель? К вашему сведению, все было сделано нами! Когда мы въехали в эту квартиру, там ничего не было. Или было в таком состоянии, что все пришлось менять! Или вы хотите, чтобы я все новое оставила вам за просто так?

У Ларисы промелькнула мысль, что назвать обстановку этой квартиры новой мог только человек с очень богатым воображением. Но в данный момент не это было важно.

— Но вы должны были предупредить, — проговорила она растерянно, — и вообще, по закону вы обязаны оставить квартиру в таком состоянии, чтобы в квартире можно было жить!

— Ничего не знаю, — отчеканила Нина Павловна, — я вам квартиру не продавала, я ее просто снимала. Спрашивайте с тех, с кем вы договор подписывали. И больше прошу мне не звонить! Иначе мне придется сделать заявление о телефонном хулиганстве!

14 Вслушиваясь в короткие гудки, Лариса предстала, как будет рассказывать об этом отцу. И как Антонина скажет, что она сама полная дура, и как Витька будет злобно хихикать. Нет, это уж слишком! Такой радости она им не доставит.

Оставался последний выход, единственный человек, к которому можно обратиться всегда, в любое время дня и ночи.

— Машка, — едва слышно сказала Лариса в трубку, — все плохо. Все просто ужасно.

— Что плохо? — откликнулась Машка. — Лиса, ты пьяная, что ли? Язык заплетается?

— Я в квартире. Здесь такое... В общем...

— В общем, я приеду прямо сейчас. — Машка по голосу ее определила, что дело и правда серьезное.

Сорок минут в ожидании подруги Лариса провела, сгорбившись на чемодане в прихожей и наблюдая за входной дверью. Хоть красть в этой квартире больше нечего, все равно будет противно, если кто-нибудь вломится.

За это время ей даже малость полегчало, притерпелась к своему несчастью.

Машка была старой проверенной подружкой — с первого класса за одной партой сидели. Родители были против их дружбы, поскольку Машка была, по выражению учительницы, «девочкой из неблагополучной семьи». У Машкиной матери было трое детей и ни одного мужа. То есть какие-то мужчины в их квартире время от времени проживали, так и дети случились, смеялась Машкина мать тетя Вера, но надолго мужчины не задерживались.

Впрочем, тетя Вера не слишком по этому поводу расстраивалась. Машка была в семье младшей, перед ней шел Борька, а самая старшая сестра звалась Милка. Милку вроде бы подряжали присматривать за младшими, но у нее плохо получалось. Ей хотелось

гулять и развлекаться, так что с первого класса Машка была предоставлена самой себе. 15

Она умела много такого, о чем Лариса и понятия не имела, — могла отпарить юбку, вымыть полы во всей квартире и даже сварить борщ. Еще Машка ничего не боялась и умела найти выход из любой самой неприятной ситуации.

Со временем Ларисина мама сумела разглядеть в Машке эти качества и не препятствовала больше их дружбе.

После девятого класса Лариса перешла в другую школу, а Машка пошла учиться парикмахерскому делу. Они стали видеться реже, но дружба не прервалась и в институте. Потом заболела мама, и Лариса вряд ли выдержала бы этот кошмар без Машки. Потом... потом отец привел в дом Антонину с Витькой. Здесь Машка, конечно, ничего не могла сделать, только утешить и отвлечь от грустных мыслей. У нее самой жизнь не налаживалась. Были в ее жизни какие-то парни, но все, по ее выражению, какие-то недоделанные. Замуж Машка категорически не хотела, да никто и не предлагал.

Мать ее вышла на пенсию и завела себе хронического алкоголика дядю Федю. Он задержался в семье надолго. Сестра Милка родила сына, подбросила его матери, а сама (кукушка этакая!) уехала за очередным хахалем во Владивосток да и пропала из вида. Брат отслужил в армии, женился, запил, развелся, подшился, снова свелся с женой, потом она его выгнала, потом он нашел другую, та его вскоре тоже выгнала, потом опять приняла, а дальше не только Лариса, но и Машка запуталась в этих бесконечных и сложных перемещениях.

Вся эта семейка держалась только на Машке, ее побаивались все, начиная с безобидного алкоголика дяди Феди и кончая беспородной собакой по кличке Генка.